

Александра Красовец

**Впечатления переводчика.
Роман Горана Войновича «Чефуры вон!»¹,
или Словенские вариации на тему «понаехавших»**

Аннотация: Переводчик делится в статье своими соображениями по поводу языка романа Горана Войновича «Чефуры вон!» и пишет о том, какой резонанс вызвала публикация романа в Словении. По мнению автора статьи, проблема «понаехавших», которую ставит словенский писатель, в современном мире крайне актуальна. Этим обусловлен интерес к роману, проявленный читателями разных стран, и Россия, скорее всего, не станет исключением.

Ключевые слова: Горан Войнович, Босния, Словения, бывшая Югославия, национальные меньшинства, проблема идентичности, молодежная субкультура, городская субкультура, мультикультурное языковое наследие, обценная лексика, неологизмы, вульгаризмы

Abstract: In the article the translator regards the language of Goran Vojnovich's novel «Chefury out!» and writes about what the perception of the publication of the novel in Slovenia. According to the author, the problem of «coming in large numbers», which puts the Slovenian writer in the world today is extremely relevant. This is due to the interest shown by readers of different countries, and Russia won't be an exclusion.

Key words: Goran Voinovich, Bosnia, Slovenia, the former Yugoslavia, minorities, the problem of identity, youth subculture, urban subculture, multicultural linguistic heritage, obscene vocabulary, neologisms, vulgarism

«Почему гастарбайтеры – самая несчастная раса», «Почему чефуры в машине на всю катушку врубают музыку», «Почему чефуры сидят на задних партах», «Почему нет хуже монстров, чем молодые чефурки», «Почему Босния не для чефуров»² – и все же почему вопрос миграции волнует нас больше других? В 2008 г. в Любляне вышел в свет в роман, возымевший эффект разорвавшейся бомбы. Затронув важнейшую социально-политическую

¹ *Vojnović G. Čefurji raus!* Ljubljana: Študentska založba, 2008.

² Название глав в романе Г. Войновича «Чефуры вон!» (перевод мой. – А.К.).

и этническую проблему общества в целом, он вызвал широкий общественный резонанс и разрушил остро негативный заряд слова «чефур» – пейоративного обозначения приезжих с юга. Молодой автор книги, родившийся в 1980 г. в столице Словении Любляне, без стеснения идентифицирует себя с «чефуrom» и гордится своим боснийско-хорватским или, как он сам говорит в одном из интервью, двойным «чефурским» происхождением.

Режиссер по образованию, Горан Войнович громко заявил о себе в литературе дебютным романом, который является не чем иным, как переработанным сценарием к фильму, тут же ставшим непревзойденным бестселлером как в Словении, так и в бывших югославских республиках. Вышли в свет хорватский, сербский, боснийский, польский, чешский, шведский и английский переводы. В 2012 г. прошли съемки фильма «Чефуры вон!», премьера которого должна состояться осенью 2013 г. Большим успехом пользуется театральная постановка романа, выдержавшая не один сезон. О книге говорят как об уникальном феномене. Ее мощная и талантливая энергия, живой юмор и исключительная языковая оригинальность обратили внимание общественности не только на сложнейшие социальные вопросы, но и на исключительное культурное богатство, возникающее на пересечении различных национальных культур.

Самая западная из бывших республик бывшей Югославии, как географически, так и по социально-политической направленности, Словения во времена существования общего государства отличалась развитой экономикой и принимала с середины 1960-х до начала 1980-х гг. на своей территории значительные потоки миграции – необходимую рабочую силу из более отсталых южных республик, особенно из Боснии и Герцеговины. Как правило, речь шла о низкоквалифицированных рабочих, которые выполняли самую тяжелую и грязную работу: мужчины трудились на стройках, женщины – уборщицами. Второй поток миграции – теперь уже беженцев – пришелся на начало 1990-х гг. и балканский конфликт, в котором, тогда уже независимая, Словения не принимала участия. В то время и появилось словечко «чефур» – так называли агрессивно настроенные группировки молодежи из южных республик, нередко имеющие околориминальный характер.

Внешние отличия и неизменные атрибуты правоверного «чефура» – спортивное трико, дутовая куртка, кроссовки найк или адидас и стрижка полубокс (чем-то они напоминают российских гопников). Горан Войнович объясняет, кто такой «чефур», цитируя песню популярного словенского исполнителя Магнифико: «Чефур – это человек, проживающий на территории определенного государства, но к национальному большинству не принадлежащий. В нашем случае он родом из земель, расположенных южнее или восточнее реки Колпы. Чефурами мы обычно называем и их потомков. От представителей основной части населения их отличают следующие внешние признаки: низкие лбы, сросшиеся брови, выдающиеся скулы и тяжелая нижняя че-

люсть. Особенности поведения чефуров: живут они неторопливо, вальяжно, не чураются непристойностей, обожают алкоголь, нежный пол и футбол. Еще одна их страсть – китч и золотые украшения. Они равнодушны к боевым искусствам и часто сами бывают неоправданно агрессивны. Период их акклиматизации, как правило, длителен»³. Этот эпиграф к роману дополнен цитатой из словенского этимологического словаря, где, с пометой «презрительное», дано следующее определение: «чефуры» – это иммигранты из южных республик бывшей Югославии. Третий эпиграф – «Чефуры вон!» (по-словенски «Čefurji gaus!») – прямая параллель с положением евреев в фашистской Германии), распространенное люблянское граффити, послужившее названием книге. Так, возникнув в качестве обозначения отдельно взятых групп молодежи, слово «чефур» стало более емким и применяется как негативная характеристика всех граждан с фамилией на *-ич*, т.е. приезжих с юга. У них, как правило, низкий уровень образования, они выполняют самую низкооплачиваемую работу, дети их учатся в средних специальных учебных заведениях, и живут они в люблянском окраинном районе Фужины – в «гетто», построенном специально для всех «чефуров». Стереотип этот настолько прочно вошел в социальную и культурную ткань общества, что, вопреки всей изначально присущей ему негативности, с чефурами начали идентифицировать себя как сами переселенцы и прежде всего их дети, родившиеся и выросшие в Словении, так и часть словенской молодежи, для которой стиль в одежде и музыка, любимая «чефурами», – неотъемлемая составляющая современной городской молодежной субкультуры. К этому-то уникальному словенскому явлению – молодежной субкультуре – и обратился Войнович в своей книге – молодежной субкультуре – и обратился Войнович в своей книге.

Главный герой романа – семнадцатилетний подросток по имени Марко Джорджич, сын иммигрантов из Боснии, обитатель многонациональных Фужин – спального района Любляны с малогабаритными квартирами, в которых проживает рабочий «чефурский» люд. От первого лица герой рассказывает о жизни района, о сложностях и проблемах, с которыми приходится сталкиваться его обитателям: низкий уровень жизни, неблагополучные семьи, отсутствие диалога между поколениями, трудности с интеграцией в чужеродном и негостеприимном пространстве и многое другое. Книга представляет собой роман воспитания: читатель наблюдает за процессом взросления Марко, перед которым встают проблемы идентичности, стереотипов окружения, вопрос выбора и ответственности... Взгляд героя критичен; соприкосновение двух культур представлено им с иронией и без прикрас.

Главный герой, – из второго поколения иммигрантов, которому не удалось выбрать, в какой стране жить, – пытается решить для себя вопросы национальной и культурной принадлежности, и сделать это ему еще сложнее, несмотря на то что он здесь родился и вырос. Существующее в поле

³ Здесь и далее перевод мой. А.К.

двух культур, «двуязычное» молодое поколение «чефуров» продолжает сталкиваться с неприязнью или равнодушием к нему доминирующей словенской культуры, что отнюдь не способствует ассимилятивному процессу.

Наследие Югославии с ее этническими конфликтами ложится тяжелым грузом на плечи всех поколений. Лишившись своей страны, первое поколение переселенцев вынуждено растерянно наблюдать за все не угасающим радикализмом. Отец главного героя Радован, серб из Боснии, не приемлет сербского национализма: «Нет у Радована своей страны – вот это его и напрягает. Так у всех боснийских сербов. Боснию они типа вычеркнули из списка и типа подсели на Сербскую Республику, а потом вроде как начали за Сербию болеть, и теперь тарашатся на этих своих Шешелей, и сами уже не знают: а, может, мусульмане и хорваты и получше будут всех этих идиотов? Вот Радован и смотрит на Сербию, надеется, что она станет нормальной страной, и тогда он скажет, что это его страна. А сейчас ему стыдно так говорить, пока у власти там персонажи вроде Коштуницы. Но Сербия-то никогда не будет нормальной страной. Мы все это точно знаем».

Эти проблемы беспокоят и молодое поколение, которое не может найти подлинной опоры для своей идентичности на родине предков, но и Словения, где они родились и выросли, для них враждебное пространство. При спаде экономического роста уменьшилась и потребность в рабочей силе, иммигрантов стали воспринимать как ненужных конкурентов на рынке занятости. Выраженно негативная стереотипизация в отношении иммигрантам (боснийцы якобы ленивые, грязные и тупые), имеющая место быть в словенском обществе, ксенофобия и этноцентризм питают уверенность словенцев в том, что именно переселенцы являются причиной роста преступности, что с экономической точки зрения их присутствие скорее приносит вред, а не пользу. Все это вполне закономерно вызывает ответную реакцию в среде национальных меньшинств, вынужденных вырабатывать защитные механизмы, что нередко приводит к насилию. Боязнь быть поглощенными преобладающим большинством и потерять собственную идентичность в новой среде приводит к радикализации своей собственной культуры; в среде молодежи, не без расчета на провокацию, это выражается в подчеркнута стереотипной манере одеваться, в поведении, в музыкальных предпочтениях. Как яркий примера такого типа психологической реакции приведем отрывок из романа: « Есть что-то кайфовое, когда вот так врубаешь музыку и едешь медленно на тачке с опущенными стеклами... А самый большой кайф – смотреть, как народ вокруг офигевает. Ясно же: они б с удовольствием накостыляли нам и заслали обратно в Боснию, – а ты нарочно едешь десять километров в час, и Миле Китич орет, чтоб все слышали». Книга поистине изобилует именами сербских и боснийских исполнителей народной музыки и так называемого балканского турбо-фолка: их слушают «чефуры», они неотъемлемая часть чефурской субкультуры.

Демонстративно называя себя «чефуром», – характеристика с большим знаком минус, – герой таким образом выражает свою оппозиционность по отношению к доминирующему большинству. Одной из неизбежных схем противодействия становится двунаправленная стереотипизация, когда и обозначение «*словенац*» тоже наполняется негативными содержанием.

Сопоставление Боснии и Словении – константа в рассуждениях Марко, внутри него самого происходит постоянное столкновение двух различных менталитетов и двух темпераментов. Словенцы – цивилизованные, дисциплинированные, работающие, но в то же время покорные, слабохарактерные и закрытые, что объясняют многовековым зависимым положением словенского народа в составе Габсбургской империи. Балканский же темперамент отличается открытостью, общительностью и эмоциональностью. Безразличие и прохладность словенцев контрастируют с главными ценностями переселенцев с юга – коллективизмом и солидарностью. Разграничение может быть также проведено по социальному статусу: словенцы – представители благополучного среднего слоя, иммигранты же вытеснены в маргинальные слои общества.

В романе, однако, позиция героя лишена какой-либо односторонности: Марко ассимилирует обе идентичности, отмечая плюсы и минусы той и другой. В начале романа Босния всегда представлена со знаком «+» в отличие от Словении: «И все друг другу помогают, к любому можешь прийти в гости кофе попить без приглашения и всякой прочей мурни. Заходишь, когда хочешь, так – побазарить просто, пообщаться, без понтов и прочей мути. Просто расслабился и вперед. Народ здесь живет не так: дом – работа, работа – дом. <...> Здесь же все только и думают о своей заднице, чтобы у них всего было побольше: и тачка крутая, и хата в несколько этажей – и насрать им на братьев, сестер, дядьёв, тёток. Замкнутые все. Потому и несчастливые». Но когда герой осознает, что ему предстоит жить в Боснии, Словения представляется совсем другой: «Фужины – это круто. Я ни в каком другом месте не хотел бы жить. По сравнению с этой долбанутой Боснией, с этим барахлом, а не страной Фужины – Голливуд. Самые крутые чуваки – с Фужин. Да и вообще, что тут сравнивать? Здесь просто полнейший облом!» Поиски молодым героем своего «я», вступление на путь взросления, его существование меж двух культур – «чефур» в Словении, словенец в Боснии – все это ставит перед ним непростые вопросы, на которые ему еще предстоит ответить.

Громкому успеху роман в первую очередь обязан уникальности своего языка – редкий пример в мировой литературе. Язык романа вызвал негодование словенских пуристов, заинтересовав в то же время читателей и критиков, послужив материалом для многочисленных исследований. Роман написан на особым языке – «чефурском», или «фужинском», представляющем собой богатую и выразительную смесь словенского, языков бывшей Югославии, а также уличного люблянского сленга. Сам автор утверждает, что язык,

на котором говорят обитатели многонациональных Фужин, всегда его восхищал, именно поэтому он поставил перед собой задачу зафиксировать это эфемерное и быстро меняющееся языковое явление. Оно же отражает двойственность самоидентификации второго поколения иммигрантов.

В годы Югославии словенский, наравне с сербско-хорватским, являлся одним из официальных языков государства. Однако сербско-хорватский – как язык численного большинства и центральной власти в Белграде – постепенно стал более престижным во многих сферах общественной жизни. Прибывающие в Словению жители других республик Югославии не чувствовали необходимости говорить по-словенски. Ситуация кардинально изменилась после 1991 г. и провозглашения независимого государства; словенский приобрел более высокий статус, тогда как сербско-хорватский теперь ассоциировался с приезжими с юга. Первое и второе поколение иммигрантов оказываются, таким образом, в разных языковых ситуациях. Родители Марко, прожившие большую часть жизни в Словении, плохо владеют словенским. Отсутствие мотивации обусловлено и практическим отсутствием коммуникативных ситуаций, их профессиональной изолированностью в несловенской среде. Коверканье словенских слов, неправильное произношение, сильный акцент – предмет насмешек и издевательств, показатель социальной ущемленности переселенцев. На страницах романа герой с изрядной долей юмора обращается к этому вопросу: «Словенцы страшно бесятся, когда кто-то не умеет говорить по-словенски, – не знаю только, чем им поможет, если все Пешичи по-словенски заговорят. Можно подумать, они сразу с ними болтать начнут. По мне, так это полная чушь. Я о том, что Пешичи должны говорить по-словенски типа из уважения к Словении и все такое. Пешичи работают на стройках, всю Словению они построили, но уважают только Мирослава Илича и холодное пиво. Да эти Пешичи могут хоть по-тунгузски говорить... Можно подумать, кто-то обратил бы на это внимание. Больно нужно! Только вот словенцы напрягаются на этот счет, бесятся, – зачем? Комплекс у них такой, а все потому, что никогда не умели в футбол играть».

Низкий уровень толерантности носителей словенского языка по отношению к тем, для кого последний является неродным, объясняют также тем, что только после 1991 г. словенцы столкнулись с отношением к словенскому языку как к иностранному, до этого им крайне редко приходилось слышать свой родной язык из уст иностранцев. Что же касается второго поколения иммигрантов, то они в совершенстве владеют как языком своих родителей, так и языком среды, в которой живут. Их билингвизм, свободный переход с одного языка на другой, непринужденность в создании гибридных форм, которые вбирают в себя маргинальный диалект переселенцев первого поколения, – еще одно доказательство двойной идентичности фужинской молодежи. Именно язык становится выражением комплексного характера их «я», их оппозиционности по отношению к официальному коду. Он же оправ-

дывает статус субкультуры. С другой стороны, сложно говорить о сербско-хорватском как втором языке, уместнее было бы говорить о боснийском, черногорском, хорватском и сербском языках, о любом из них или обо всех сразу, поскольку автор вобрал в свою лексическую мозаику, слова, используемые в самых разных уголках бывшей Югославии, представив мультикультурное языковое наследие распавшегося государства.

Обилие обценных слов является еще одной яркой особенностью социолекта переселенцев, занятых тяжелым физическим трудом, что отчасти объясняет широкое использование лексики, обозначающей половую сферу, наименование физиологических функций. В среде молодежной городской субкультуры вульгаризмы – элемент повседневного общения, подчеркивающий чувственную экспрессивность. Сленг и сквернословие – способ дистанцироваться от кода доминирующей культуры, знак провокации, заданное нарушение принятой нормы. Особое место занимают неологизмы, вокабуляр которых постоянно пополняется в процессе смешения высокого и низкого, старого и нового, родных и иностранных слов; в качестве константы выступает пародирование официальной югославской риторики с ее канцеляризмами, плотно вошедшими в разговорную речь. Язык, таким образом, выполняет важную функцию в любой из молодежных субкультур, а именно – восстать против преобладающей культуры, против авторитета старшего поколения и норм общества, шокировать, провоцировать – в противном случае субкультура перестает быть таковой. Для русского читателя важно пояснить особое положение бранных выражений в том же сербском языке, для носителей которого мат вовсе не является табуированной лексикой: то, что русскому читателю может показаться чересчур грубым и агрессивным, для жителей Балкан естественно и не несет в себе негативного заряда.

Искрометный юмор главного героя во многом обязан исключительной выразительности, колоритности и живости языка, остроумию и комичности используемых им жаргонизмов. Именно этот словенско-сербско-хорватский вариант суржика, носители которого заявляют о себе как о людях непосредственных, ярких и искренних, позволяет им выразить свою многонациональную и мультикультурную идентичность.

Как, помимо агрессии, «чефур» может нанести обществу ответный удар? Насилие вообще присуще подросткам, желающим заявить о себе здесь и сейчас, особенно когда речь идет о группах ребят из рабочих предместий, остро реагирующих на социальную несправедливость. Это самый быстрый и, казалось бы, естественный способ обратить на себя внимание и показать, что ты существуешь и что давление порой невыносимо. И именно язык становится тем мощным орудием, которое говорит само за себя. Максима для словенцев и травма для иммигрантов – язык, в его оригинальном преображении, становится защитной и в то же время созидательной реакцией так называемых «чефуров». Люблянский спальный район Фужины, плавильный ко-

тел народов Югославии в миниатюре, образует уникальную среду для рождения исключительного языкового явления.

Многие из «чефурских» словечек перекочевали в повседневную речь достойных обитателей Любляны. Ввиду субверсивности «пейоративного» понятия «чефур» и самого «чефурского» языка, эти явления – как символ культурной оппозиционности – приобрели в среде как словенских интеллектуалов, так и обычной молодежи положительное значение. Заимствования объективно имеют место быть в живой ткани разговорного языка, чему официальный код старается активно противостоять. В этой связи можно провести параллель с «Канак Шпраком» (дословно с немецкого «язык чужака»), употребляемым для обозначения социолекта, на котором говорят второе и третье поколение турецких иммигрантов в Германии. Он представляет собой смешение умышленно упрощенных грамматических форм немецкого разговорного языка, турецкого и афро-американского английского. Представители молодого поколения иммигрантов, родившихся и выросших в Германии, носители «Канак Шпрака», осознанно провозглашают свою культурную непохожесть, принимая закрепившуюся в обществе пренебрежительную и негативную оценку как знак своей культурной идентичности, самоутверждаясь таким образом в социуме. «Канак Шпрак», благодаря средствам массовой информации и кино, стал доступен и тем, кто не является носителем турецкого языка; студенты и образованные люди используют элементы социолекта с его оригинальными высказываниями и упрощенной грамматикой, ассимилируя актуальные процессы в современном разговорном языке.

Горан Войнович своим романом сумел разрушить острую негативность оценки слова «чефур». Сам автор, однако, опасается, что чем «круче» оно будет звучать, постепенно тривиализируясь и коммерциализируясь, тем вероятнее обратная реакция – активизируется идеология «античефуризма».

К сожалению, эти опасения не беспочвенны. В декабре 2011 г. в ответ на расистские высказывания в одном из политических лагерей возникло движение «носящих спортивное трико» (слов. «trenirkaŕji») – в противовес устоявшемуся стереотипу, что трико носят одни «чефуры», так называемые «новые граждане Словении», которые вносят сумятицу в результаты голосования. В ряды этого немногочисленного движения, получившего, однако, большой резонанс в СМИ, вступили в основном словенские граждане, желающие сделать общество более терпимым, привлечь внимание к распространившемуся в Словении языку вражды, к дискриминации народов, проживающих на территории южных республик бывшей Югославии.

Книга Горана Войновича благодаря блестящему юмору читается на одном дыхании. Автор, правда, не скрывает, что за всеми «фишками» и «приколами» его юного героя скрывается малоприятная реальность, в которой придется взрослеть молодому поколению: проблемы с алкоголем и наркотиками, отсутствие жизненных перспектив, столкновения с полицией, уzkолобий

провинциальный менталитет родителей, их неумение наладить диалог с детьми, непонимание, жестокость, деструктивный характер патриархальной системы как таковой.

Говоря о консерватизме, хотелось бы также сказать о положении женщины в традиционном обществе «чефуров», резко критикуемом на страницах романа. На вопрос журналистки, цитирующей название одной из глав – «Почему нет хуже монстров, чем молодые чефурки», Войнович отвечает, что «чефурка» в Словении и женщина в патриархальном обществе – это убийственная комбинация, стоит еще добавить разбушевавшиеся гормоны, и вы уже там⁴. Приведем пассаж из книги: «Чефурки – это самые тупые существа, какие только могут быть! Не знаю почему, но в голове у них такая тупизна, что не пойму, как их до сих пор в психушку не отправили. Ничего не понимают! Это, наверно, потому, что их бати хотели сыновей и теперь зовут их «Санэла, *сынэ!*», или «Даниела, *сынэ!*», или «Саня, *сынэ!*», – а их чефурские мамы так их настращали своими заморочками, что они типа должны выйти замуж, что обязаны себя блюсти, что если они одни останутся, то у них и на бурек не будет, что они бедные, – не знаю, что еще? – а те потом, как помешанные, носятся за самыми последними олигофренами, которые им такое устраивают, что вообще не понимаешь, как они это терпят?» О женщине как собственности мужа в традиционном обществе с большой долей иронии говорится в следующем отрывке: «Стоит только сказать чефуру про развод – он сразу становится бледным, как простыня. Для чефуров развод – самый большой кошмар. Хуже этого ничего быть не может. <...> Потому что чефуры не разводятся. Их только смерть может разлучить. Варианта с разводом нет в принципе: свадьба и семья – это святое. Как это ты поедешь к своим, туда, и будешь объяснять всем родственникам, что ты развелся? Не сможешь. И они не поймут. У тебя есть жена, есть дети, и вы все вместе живете своей гастарбайтерской жизнью в однокомнатной квартире, а потом на пенсии ты с женой вернешься жить в трехэтажную хату где-нибудь посреди Боснии, в хату, на которую горбатился всю свою жалкую гастарбайтерскую жизнь. И что ты будешь делать после развода? Будешь жить один в своей хате? Будешь сам себе готовить, стирать, мыть посуду? Это ж всю чефурскую систему ломает! Жизнь – тяжелая штука, но если у тебя есть жена, то можно во всех бедах винить ее. Такой вот чефурский менталитет. Все женщины одинаковые, и зачем менять одну на другую, если и первая хорошо готовит. Тот, кто в разводе, для чефуров – самый убогий чел. А если тебя жена бросила – это вообще нереальный позор. “Как ты мог такое позволить? Бедолага... Кто тебя вообще жизни учил?” Я считаю, разведенным в Боснии должны давать инвалидность и денежное пособие. Его ведь жена бросила! И остался он без обеих рук! Это почти одно и то же».

⁴ Goran Vojnović, pisatelj, režiser // Delo. 17.05.2009. См.: <http://www.delo.si/kultura/goran-vojnovic-pisatelj-reziser.html>

Справедливости ради заметим, что ни одна субкультура пока не создала той модели женского поведения, которая порывала бы с традицией; молодежные субкультуры в большей мере занимаются проблемами мужчин. Последние исследования, однако, показывают, что девушки в субкультурах сегодня все более и более активны, они стремятся разрушить консервативную модель и требуют равноправия наравне с молодыми людьми, что в свою очередь можно сказать и о субкультуре «чефуров»⁵.

Одна из главных и больших тем мировой литературы, получающая новое и особенно актуальное звучание в современную эпоху безжалостной глобализации, – тема «чужого», «другого», – нашла свое оригинальное и яркое воплощение в романе словенского автора. Смех и ирония позволяют касаться самых болезненных точек, не оказываясь при этом в положении жертвы, и находить созидательное начало в хаотичной энергии молодости.

Русский перевод романа в скором времени будет доступен и российскому читателю. Надеемся, судьба «чефуров» не оставит его равнодушным. Контекст происходящего жителю России, может быть, и не очень понятен, но разворачивающиеся события в отдельно взятом районе небольшого европейского государства на самом деле универсальны, поэтому наверняка заинтересуют не только как экзотика, но и как нечто случающееся и в русской жизни. Как отмечает сам писатель, в каждой стране есть свои «чефуры» и у каждого «чефура» есть своя форма «чефурского языка». Книгу «Чефуры вон!» можно поставить в один ряд с ее российским собратом – романом Эдуарда Багирова «Гастарбайтер» (2007), посвященном проблеме «понаехавших» и вызвавшем широчайший общественный резонанс.

Несмотря на всю серьезность темы, немаловажно и то удовольствие, которое получаешь, погружаясь в яркий и живой мир современного города, когда из открытых окон доносится запах балканских голубцов, слышны ритмы народной музыки, а футбольные матчи остро и темпераментно комментируют обитатели люблянских Фужин.

Словенцы, говоря о Балканах, зачастую дистанцируются от них, предпочитая позиционировать себя как часть Европы. Семидесятилетний югославский «эпизод» все же не прошел для них бесследно. Отрицая балканскую составляющую своего «я», словенцы каждый раз с воодушевлением встречают примеры талантливого симбиоза своей собственной культуры с культурой, рожденной горячей южной кровью.

⁵ Jontez N., Meža I. Strategije (pre)živetja mladih priseljencev. Ljubljana, 2009. С. 90–95. См.: <http://www.mss.si/datoteke/dokumenti/jontez.pdf>

Сведения об авторе:
Александра Николаевна Красовец,
Docteur es Lettres,
выпускница филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова,
окончила магистратуру университета Лион-3 им. Жана Мулена,
занимается переводами,
участвует в проекте
Большого русско-словенского академического словаря
(философский факультет
университета в Любляне)

Alexandra Krasovets,
Doctor of Letters,
Graduate of the Faculty of Philology
MSU Lomonosov,
graduated of the Université Jean Moulin Lyon 3;
engaged in translation,
participates in the Great Russian-Slovenian academic vocabulary
(Faculty of Philosophy University of Ljubljana)